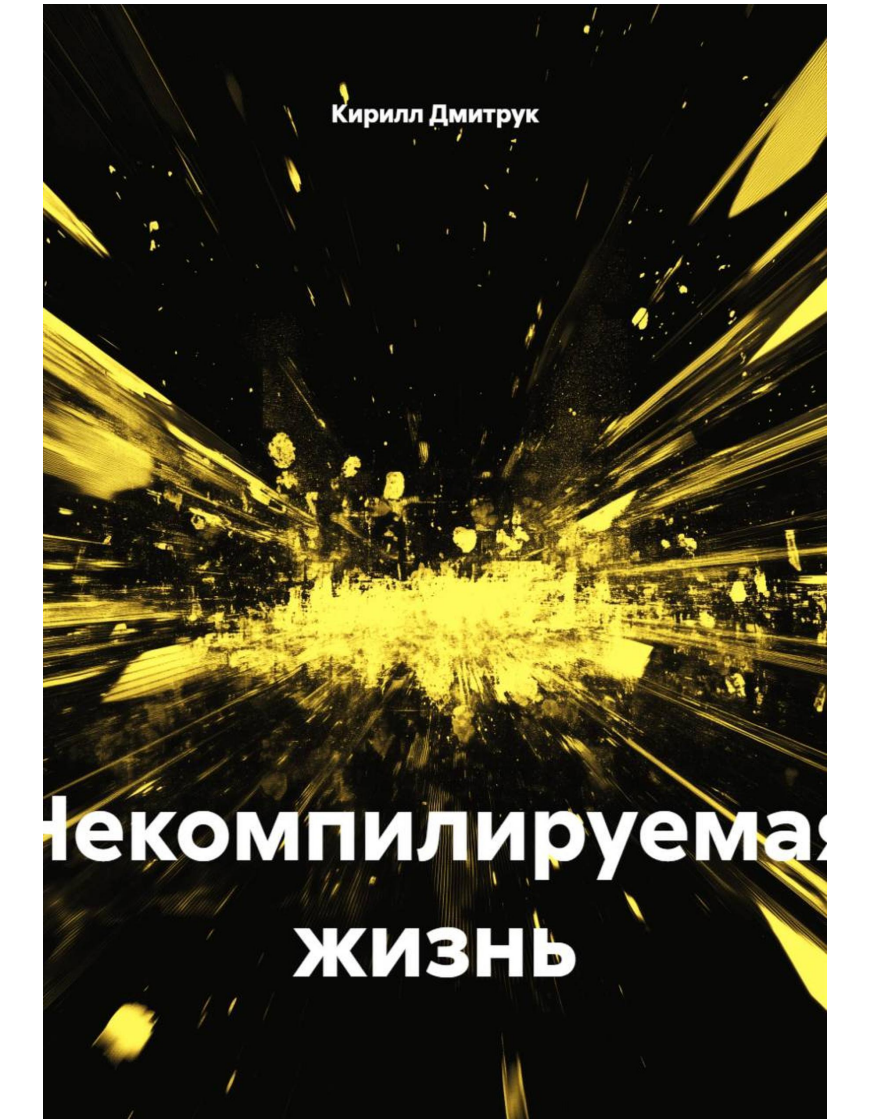

Кирилл Дмитрук

Некомпилируемая ЖИЗНЬ

Кирилл Дмитрук

Некомпилируемая жизнь

<https://litres.ru/74548564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лев Брежнев — программист, 31 год. У него рассеянный склероз. Это не книга о болезни. Это книга о том, как человек с отказавшей «системой» продолжает работать, думать, дружить и искать смысл. Поход в магазин превращается в спецоперацию. Комиссия выносит вердикт: «нетрудоспособен». А друг детства Макс — механик из соседнего гаража — учит его простой истине: если система кривая, но годная, надо адаптировать управление, а не ломать её.

Это история о переходе в другую реальность — и о возвращении. О том, что здоровье существует, но не как единственная ценность. О том, что принятие — это не капитуляция, а новая конфигурация. О том, что каждый день — это коллапс волновой функции. И каждый день — это выбор.

«Некомпилируемая жизнь» — роман о программисте, который не сдался. О струне, которая продолжает звучать, даже когда её пытаются заглушить.

Кирилл Дмитрук

Некомпилируемая жизнь

Глава 1: Нулевой день

7:02.

Сигнал будильника был отключён в 7:00. Но сознание Льва Брежнева (да, он терпел эти шутки со школы) включилось с двухминутной задержкой. Не сонливость. Задержка. Как лаг в плохо оптимизированном приложении. Команда «открой глаза» была отправлена, выполнена, но ответ от периферии — от век — пришел с ощутимым ring'ом.

Он лежал, не двигаясь, проводя утреннюю диагностику, словно система перед запуском. Сканирование на ошибки.

Сенсоры: Зрение в норме, 95%. Лёгкая мутность на периферии — игнорируемый артефакт, фоновый процесс «Оптический неврит, v. 2.1». Не критично.

Двигательный модуль: Тяжесть в конечностях. Оценка: 7 из 10. Стартовая слабость. Руки отзываются. Ноги — с переменным успехом. Чувствительность: присутствует онемение в кончиках пальцев правой руки, статичный, знакомый паттерн. Как будто часть кожи заменили на тонкий пластик.

Процессор (главный): Загрузка низкая. Мысли вязкие. Когнитивный fog — лёгкий, но присутствует. Ожидание

оценки после инициализации кофеином.

Он мысленно нажал «Ввод». Система «Тело» запустилась в безопасном режиме.

7:30. Ритуал инициализации.

Подъём — это не движение, это алгоритм.

Поворот на бок (исполнение: 3 секунды).

Спуск ног (контакт с полом: холод, текстура ковра — данные приняты).

Пауза (15 секунд. Проверка на головокружение. Отрицательно).

Подъем корпуса с опорой на тумбочку. Выполнено.

Лев дошёл до кухни, цепляясь взглядом за привычные точки опоры: косяк, край стола, спинка стула. Его походка была не шаткой, а «осторожной», будто он нёс хрупкий сервер, полный данных.

Кофемашина, его главный хардвер, зашипела. Пока она готовила эспрессо, он выстроил на столе в линию таблетки. Цветные капсулы и белые пилюли. Иммуномодулятор (базовая защита, фаервол), витамин D (поддержка протокола), что-то для нервной проводимости (попытка починить шину данных). Он заправил их водой, одну за другой, как патроны в обойму на предстоящий день.

Завтрак? Пропустить. Аппетит был отключенным процессом. Лев взял чашку, почувствовав знакомую, едва уловимую дрожь в правой кисти. Он сконцентрировался, сжимая

ручку крепче, чем нужно. «Стабилизация через усилие» — его метод.

8:45. Рабочая сессия №1.

Домашний офис. Три монитора, тихий гул системного блока — его собор. Здесь он Лев, senior backend-разработчик, а не пациент с РС. Здесь его мир был из логики, а не из симптомов.

Сегодняшняя задача: доработать алгоритм обработки асинхронных запросов. Вчера он написал элегантное решение. Сейчас открыл код и... не узнал его. Строки сливались. Логика, кристально ясная вчера, теперь казалась запутанным лабиринтом. «Брэйн фог». Когнитивный туман.

Он заставил себя прочесть первую функцию. Потом ещё раз. Это было похоже на чтение на незнакомом языке, где ты знаешь отдельные слова, но не видишь смысла. Паника, холодная и тихая, начала подползать к горлу. Паника — это роскошь, на которую у него не было ресурсов.

Лев откинулся в кресле, закрыл глаза. «Отладка, — сказал он себе вслух. — Это просто баг. Не в коде. В железе».

Он знал протоколы. Глубокое дыхание. Переключение контекста. Встал, прошелся до окна, размял онемевшие пальцы. Смотрел на улицу, где люди шли, не думая о каждом шаге. Им не приходилось вручную балансировать фоновые процессы «равновесие» и «координация».

Через десять минут он вернулся к монитору. Туман не

рассеялся, но стал менее плотным. Он не стал воевать с целым алгоритмом. Разбил задачу на микро-функции. Каждую осмысливал по отдельности, как собирал пазл с завязанными глазами. Скорость работы упала вчетверо. Но прогресс-бар сдвинулся с мёртвой точки. Не элегантно, не эффективно, но работало. В современной разработке это иногда и есть главный критерий.

12:30. Синий экран тела.

Внезапно, без предупреждения, наступила Усталость. Не та, что после бессонной ночи за дедлайном. Системная. Тотальная. Как если бы кто-то выдернул вилку из розетки.

Веки налились свинцом. Мысли остановились, словно зависший поток данных. Руки опустились на клавиатуру без сил. Это был не сон. Это был крах системы. «Фатальная ошибка: Energy Depletion. Forced shutdown in 3... 2... 1...»

Он не пошёл, а дополз до дивана в углу кабинета. Упал на него лицом вниз. Темнота. Тишина. Только стук сердца в ушах и тяжёлое, не приносящее облегчения дыхание. Никаких мыслей. Только осознание полного, абсолютного истощения ресурса. Так работает его тело: не предупреждает о низком заряде, а просто отключается.

14:00. Перезагрузка.

Он очнулся. Система загрузилась заново, с теми же фоновыми процессами, но с чуть большим запасом оперативной

памяти. Слабость была, но уже не всепоглощающая. Голову пронзила легкая, знакомая боль — как от перегретого процессора.

Лев дополз до кухни, выпил стакан воды, съел банан. Топливо. Полезная нагрузка. Посмотрел в зеркало. Бледное лицо, тёмные круги под глазами. «Отличный вид для stand-up митинга», — хмыкнул он про себя. Митинги он, к счастью, проводил по аудиосвязи. Видео включал редко. Не хотел, чтобы коллеги видели эту усталость в его глазах. Не хотел вопросов.

16:00. Вечерний коммит.

Он вернулся к коду. Работал медленно, методично, как робот. Писал комментарии к каждой строке, будто оставляя записки себе будущему, завтрашнему, который, возможно, снова ничего не поймёт. Его код стал чрезмерно документированным, педантичным. Не красивым, но надёжным. Как костыль.

Он запустил тесты. Зелёная полоса — все пройдены. Маленькая победа. Он сделал коммит с сообщением: «Fix: stability improvements for async module. Minor refactoring». «Незначительный рефакторинг». Так он называл ежедневную войну с собственным мозгом.

21:00. Чтение логов.

Вечер. Симптомы, как назойливые уведомления, стали тише. Он сидел в кресле, укутанный в плед, хотя в квартире

было тепло. Холод был ещё одним фоновым процессом.

Лев открыл не код, а свой личный «лог-файл» — приложение в телефоне, где отмечал симптомы, энергию, настроение. Сегодня: «Усталость — 9/10. Когнитивные функции — 5/10. Настроение — нейтральное». Графики, статистика. Данные не лгут. Они показывали медленный, но неумолимый тренд.

Он взглянул на пульт от игровой консоли. Неделями не прикасался. Раньше мог рейдить в ММОРПГ часами. Теперь его реакция была с задержкой, а час игры отнимал сил больше, чем рабочий день. Он отложил пульт. Включил аудиокнигу. Позволил голосу диктора заполнить тишину, экономя свои ресурсы на обработку текста.

23:00. Завершение сеанса.

Душ. Тёплый, не горячий. Горячая вода — это перегрузка сенсоров, ведущая к усилению онемения. Он стоял, приклонившись лбом к холодной кафельной стене, чувствуя, как вода стекает по спине. Его тело, это непредсказуемое устройство, сегодня функционировало. Не оптимально, но без фатальных сбоев.

Лёг в постель. Темнота. В тишине симптомы проявились чётче: то мурашки по ноге, то лёгкий зуд, то непроизвольное подёргивание мышцы — как случайный электрический импульс в повреждённой схеме.

Завтра будет новый день. Новый набор переменных. Но-

вый баг в непредсказуемом железе. Возможно, он сможет отправиться в магазин. Возможно, снова будет бороться с ту-маном. Возможно, случится что-то новое.

Лев Брежнев, программист, закрыл глаза. Его последней мыслью перед отключением было не о болезни. Ошибка в коде, которую он так и не нашёл днём, внезапно проступила в памяти, кристально ясная. Решение. Элегантное и простое.

Он улыбнулся в темноте. Значит, завтра будет что делать. Значит, система, несмотря ни на что, ещё способна на озарение. Это был хороший день.

Глава 2: Хэш-таблица симптомов

9:17.

Утро началось не с лага, а с ошибки сегментации. Резкая, режущая боль в правом глазу, будто кто-то вонзил затупленную иглу прямо в зрительный нерв. Лев ахнул, зажмурился, прижал ладонь к лицу. За болью поплыли искры, затем — полупрозрачное пятно, как чернильная клякса, прямо в центре поля зрения. Оно пульсировало в такт сердцебиению.

«Новый симптом. Новый ключ в хэш-таблицу», — прошептал он сквозь стиснутые зуда, пытаясь обернуть панику в терминологию. Он знал, что это: ретробульбарный неврит. Классика. Но знать и чувствовать — это разные ветки кода.

Через двадцать минут боль утихла до тупой, ноющей. А пятно осталось. Теперь мир был с дырой посередине. Чи-

тать стало невозможно. Текст на мониторе распадался, буквы прыгали, исчезая в этой слепой зоне. Он водил взглядом, пытаясь ловить слова периферией, как сбойный сканер с повреждённой матрицей.

«Декомпозиция задачи, — сказал себе Лев. — Шаг первый: устранить критическую помеху». Он нашёл в настройках системы функцию «экранный диктор». Механический, бездушный голос начал зачитывать строки кода. Это было мучительно медленно, невыносимо. Но это был *workaround*. Костыль. Временное решение, пока не починится основная функция.

Он отправил тимлиду, Артёму, короткое сообщение в Slack: «Сегодня буду на *audio only*. Глаз разыгрался». Артём ответил почти мгновенно: «Ок, держись. Делай, что можешь». Льву нравилась эта краткость. Никаких «сочувствую» или «как самочувствие». Просто «ок». Как если бы он сообщил о проблеме с интернетом.

11:00. Декомпозиция и костыли.

Работа превратилась в сизифов труд. Диктор бубнил, Лев пытался держать логическую цепочку в голове, но она рвалась, ускользала в тумане, который сегодня сгустился до состояния киселя. Каждая мысль давалась с усилием, как будто он тащил её из плотного, вязкого месива.

Внезапно он почувствовал, как онемение в кончиках пальцев не просто осталось статичным, а поползло вверх по

руке. Медленно, неотвратно, как лава. От кончиков пальцев к ладони, к запястью. Холодная, неживая полоса. Он сжал и разжал кулак. Движение было, но ощущение — будто через толстую перчатку.

Теперь у него было:

symptom_visual: acute_neurtis (статус: активен)

symptom_cognitive: brain_fog_level_8 (статус: активен)

symptom_sensor: numbness_progression (статус: прогресс)

Хэш-таблица переполнялась. Система грузилась.

Он отложил наушники. Нужен был другой подход. Полная смена контекста. Физическое действие. Он встал, пошатнувшись — головокружение сегодня тоже решило присоединиться к party. Дошёл до балкона, опёрся о холодный парпет. Вдохнул. Воздух был промозглым, но реальным. Это не код, не боль, не цифровые костыли. Это был просто холодный мартовский воздух.

13:30. Недокументированное API.

Раздался звонок. Мама. Лев посмотрел на экран телефона, где её улыбающееся лицо было наполовину скрыто слепым пятном. Он взял трубку.

— Лёва, привет! Как ты?

— Всё нормально, мам. Работаю.

— А как... самочувствие? — её голос стал осторожным, шёпотом конспиратора.

— Ничего нового. Всё стабильно. — Он автоматически

перешёл на протокол «Для внешних». Голос ровный, почти бодрый.

— Может, приехать? Суп сварю? Тебе нельзя переутомляться.

«Переутомляться». Слово, которое его бесило. Как будто у него есть выбор. Его «нормальная» нагрузка для системы была уже переутомлением для здорового человека.

— Не надо, мам, справлюсь. Спасибо. У меня митинг скоро.

Он солгал. Митинга не было. Но ему нужно было закончить этот разговор, пока не пошла стандартная подкачка тревоги и вины по семейному каналу. Он любил её. Но её забота сейчас ощущалась как дополнительный фоновый процесс, потребляющий последние проценты заряда.

Он положил телефон. Понял, что его рука, та самая, с онемением, непроизвольно сжалась в кулак. Он разжал пальцы силой воли. Это был ещё один симптом — спастичность. Непредсказуемое, недокументированное поведение API собственного тела.

16:00. Патч от мира.

В дверь позвонили. Курьер. Лев, накинув халат, открыл. Парень вручил ему коробку.

— Распишитесь тут, — ткнул он пальцем в экран планшета.

Лев взял стилус. И в этот момент его правая рука решила

выдать самый неожиданный баг. Не онемение, не слабость, а дискоординация. Стилус дрожал, как в лихорадке. Он не мог попасть им в нужное поле. Линия подписи превратилась в закарлючку, полную дрожащих зубцов. Курьер смотрел с немим вопросом, потом с жалостью.

— Алкогольный абстинентный синдром, — буркнул Лев, отдавая планшет. Грубая, но эффективная ложь. Жалость в глазах курьера сменилась на безразличное понимание. Это было лучше. Гораздо лучше, чем видеть в его взгляде немой вопрос «что с тобой не так, молодой парень?».

Он закрыл дверь, прислонился к ней спиной. В коробке была книга по нейросетям, которую он заказал неделю назад. Физическая, бумажная. Его маленький бунт против цифры. Он разорвал скотч, открыл. Пахло типографской краской. Он провёл пальцами по гладкой бумаге. Ощущение было полным, реальным, несмотря на онемение. Он не мог читать её глазами сегодня. Но мог листать, чувствовать вес, шуршание страниц. Это был патч. Небольшой, но значимый. Напоминание, что есть мир за пределами монитора и хэш-таблицы симптомов.

20:00. Ночной лог.

Вечер. Зрение медленно возвращалось. Пятно стало менее плотным, превратилось в полупрозрачную дымку. Онемение отступило до прежних границ. Усталость, конечно, никуда не делась. Она была константой.

Лев сел за свой лог. Сегодняшняя запись была длиннее.

Дата: 12.03.2024

Событие: Острое нарушение зрения (правый глаз). Продолжительность: 8 часов. Интенсивность: 9/10.

Когнитивные функции: сильное снижение. Эффективность работы: 15%.

Новый паттерн: прогрессирующее онемение + дискоординация мелкой моторики.

Эмоциональный статус: фрустрация, стыд (инцидент с курьером).

Workaround: экранный диктор, ложь как социальный костыль.

Положительный патч: тактильный контакт с физическим объектом (книга).

Он сохранил запись. Графики теперь покажут не тренд, а пик. Острый пик. Возможно, это было просто обострение. Возможно — новый базовый уровень. Узнать можно будет только со временем, собрав больше данных.

Перед сном он зашёл на специализированный форум. Не для жалоб. Для чтения. Там были свои. Они писали на том же языке: «сегодня BSOD всего тела», «завис на простейшей операции», «костыль не сработал, пришлось писать новый». Они шутили над своими симптомами. Это был чёрный, отчаянный юмор, но он был честнее любой жалости.

Лев написал в общий чат, впервые за месяцы:

Сегодня система выкинула новый критический exsertion на уровне зрения. Пришлось экстренно переключаться на аудио-интерфейс. Кто-нибудь сталкивался с тем, что после такого когнитивный fog густеет в разы?

Ответы пришли почти мгновенно.

@Лев: Да, это стандартно. Процессор пытается перераспределить ресурсы, пока не восстановится визуальный модуль. Дефрагментируй мозг сном.

Привет. У меня так полгода назад было. Сейчас зрение вроде норм, но туман остался перманентно. Совет: не гони. Снижай нагрузку на проц.

Он читал эти сообщения, и ему стало чуть легче. Он был не один в этой отладке. Он был частью распределённой системы, где каждый боролся со своими багами в уникальном, сбоящем железе.

Лев выключил свет. Сегодня был тяжёлый день. Провальный с точки зрения продуктивности. Болезненный. Унизительный.

Но он собрал данные. Нашёл временные решения. Получил удалённую поддержку. Не сдался.

В темноте он улыбнулся. Система выдержала стресс-тест. Сохранила ядро. Завтра будет новый билд. Возможно, с теми же ошибками. Возможно, с новыми. Но он продолжит её отлаживать, строка за строкой, симптом за симптомом.

Это была его жизнь. Некомпилируемая, но всё ещё выполняемая.

Глава 3: Белый шум и общий интерфейс

Суббота, 10:14.

Суббота отличалась от будня только отсутствием обязательных митингов. Диагностика системы показала: пятно в глазу рассосалось до лёгкой дымки, онемение отступило к кончикам пальцев. Когнитивный туман, однако, висел плотной завесой. Мысли шли как через вату. Попытка прочесть книгу по нейросетям провалилась — буквы упорно не складывались в смысл.

Лев сидел на кухне, тупо уставившись в стену, и пил свой третий эспрессо, надеясь, что кофеин сможет прошить этот биос. Внезапный, оглушительный рёв мотоцикла за окном заставил его вздрогнуть. Не просто вздрогнуть — всё его тело дёрнулось в спастическом импульсе, чашка выскользнула из ослабленных пальцев и разбилась об пол.

«Чёрт!» — выдохнул он, глядя на осколки фарфора и лужу кофе. Чистка сейчас, с его координацией, была равноценна сапёрной работе. А рёв не стихал. Он нарастал, приближался, потом резко оборвался прямо под его окнами. Знакомое урчание «Харлея». Знакомое, потому что так ревел только один мотоцикл в их спальном районе.

Через минуту в домофон раздался нетерпеливый, длинный гудок. Потом ещё один. Лев вздохнул, подошёл к панели.

— Кто? — спросил он, голос хриплый от недосыпа и усталости.

— Открывай, программист, не прикидывайся шлюзом!
— прогремел из трубки жизнерадостный, немного хриплый бас.

Это был Макс. Максим Крутов. Друг детства из соседнего дома. Тот, с кем они лазили по стройкам, собирали радиоприёмники из хлама и мечтали уехать «куда-нибудь». Макс уехал — стал дальнобойщиком, а потом открыл свой маленький сервис по ремонту и тюнингу мотоциклов. Он остался в том же районе, но в параллельной вселенной — вселенной запаха бензина, металла и громкого смеха.

Лев нажал кнопку. Через минуту в дверь постучали так, будто её хотели высадить.

— Не ослеп совсем? Открывай!

Лев открыл. На пороге стоял Макс, загорелый, широкоплечий, в потрёпанной косухе, пахнувший ветром, бензином и чем-то неуловимо уличным. Он внёс с собой шум, движение, объём — всё то, чего в жизни Лева теперь не хватало.

— Ну что, герой, как выживаешь в своём коворкинге? — Макс шагнул внутрь, оглядев квартиру оценивающим взглядом сантехника. Его взгляд сразу упал на осколки на кухне.
— О. Начал день с перформанса в стиле «разрушитель посуды»?

— Нечаянно, — буркнул Лев.

— Вижу, — Макс прошёл на кухню, отодвинул Льва пле-

чом. — Стоять. Убери свои хрупкие кости. Ты тут порежешься, а мне потом отвечай перед твоей маманей.

С ловкостью, удивительной для таких крупных рук, Макс подобрал крупные осколки, нашёл в шкафу совок и веник (Лев даже забыл, что они у него есть), быстро смел остатки. Всё это заняло у него меньше минуты.

— Где у тебя тряпка?

— Не надо, я сам...

— Тряпка, Лёва. Не дискутируй.

Лев молча показал на дверцу под раковиной. Макс вымыл пол, выжал тряпку, поставил чайник.

— Чай будешь? Или опять свою кислоту будешь литрами вливать?

— Чай... можно.

— То-то же.

Они сидели за кухонным столом. Макс налил два стакана крепкого чая, из своей принесённой сумки достал пару бутербродов, завернутых в фольгу.

— С мясом, от Марины, — кивнул он. — Ешь. На тебе лица нет.

Лев взял бутерброд. Держать его было проще, чем чашку. Он откусил. Вкус был настоящим, ясным.

— Что привёз-то? — спросил Лев.

— А, да так. Выехал по делам, думаю, заскочу, проведу отшельника. Услышал, у тебя тут тишина мёртвая. Как в танке. Непорядок.

«Тишина мёртвая». Да. Это было точное определение. Тишина его дней была густой, наполненной белым шумом симптомов. А Макс привёз с собой другой шум — живой, хаотичный, заполняющий всё пространство.

— Как дела в сервисе? — спросил Лев, чтобы говорить не о себе.

— Да как всегда. Одни дураки на двух колёсах, другие — на четырёх. Всем что-то надо починить, переделать, улучшить. Денег мало, геморроя много. Но скучать не дают.

Макс рассказывал про клиента, который пытался установить на «Урал» звуковой сигнал от «Мерседеса», про девушку на «Кавасаки», которая сама перебрала карбюратор, но забыла шайбу. Его рассказы были простыми, осязаемыми. О проблемах, которые можно увидеть, пощупать, взять гаечным ключом и исправить. В его мире не было «когнитивного тумана» или «прогрессирующего онемения». Там были «слишком болтается», «не заводится» или «течёт».

Лев слушал, и часть той густой ваты в голове будто рассеивалась. Он не думал о симптомах. Он думал о забытой шайбе и смеялся — коротко, хрипло, но это был настоящий смех.

— А у тебя-то что? — Макс посмотрел на него пристально. — Глаза какие-то... не фокусируешь ты.

— Да так. Переутомился. За компом.

— Врёшь как дышишь, — отрезал Макс, но без злобы. — Мать твоя звонила Марине. Волнуется. Говорит, у тебя опять

«глаз разболелся». Это у тебя что, как мигрень, что ли?

Лев помолчал. Обычно он отмазывался. Но Макс был не мама. Он не начинал ходить на цыпочках и говорить шёпотом. Он сидел напротив, честный и грубый, как наждачная бумага.

— Это не мигрень, Макс. Это склероз. Рассеянный. Нервная система... глючит. Провода, грубо говоря, изоляция на них повреждается. Сигнал не проходит или проходит с ошибками. Вот глаз — один из таких глючных интерфейсов.

Он сказал это технически, сухо, как описывал бы поломку железа на работе.

Макс не стал ахать. Он хмыкнул, отпил чаю.

— Провода... Знакомо. У меня на той неделе «Волгу» ремонтировал, так там вся проводка в моторном отсеке перетёрлась, коротило на массу. Машина тупо глупела: фары сами включались, дворники насухую работали, сигнализация орала без причины. Хаос.

Лев снова усмехнулся. Идеальная метафора. Хаос в отсеке.

— И что, починил?

— Конечно. Переложил, заизолировал, развёл по кембрикам. Только времени — полдня. А ты-то свою проводку... как? Переложить можно?

Вопрос был задан с такой искренней технической заинтересованностью, что у Льва перехватило дыхание. Никто не спрашивал его так. «Как лечишься?» — спрашивали с жало-

стью. «Как себя чувствуешь?» — с тревогой. «Как твоя проводка? Можно переложить?» — так спросил только Макс.

— Нельзя, — честно ответил Лев. — Можно только попытаться замедлить трение. Таблетками. И... ждать, где коротит следующее.

— Блин, — искренне огорчился Макс. — То есть диагностика только по факту поломки?

— По факту поломки.

— Жесть. Ну, а костыли какие-то ставить можно? Как временное решение?

Лев кивнул в сторону мониторов в соседней комнате.

— Вот они, мои костыли. Программы, голосовые помощники, таймеры, приложения-напоминалки. Цифровые подпорки.

Макс задумался, разглядывая свои большие, исцарапанные руки.

— А физические? Трость там, или... Я вот на «Триумфе» одном старом ручку газа дорабатывал — у владельца после травмы кисть не так работала. Придумали такую насадку, чтобы усилие меньше нужно было. Мелочь, а ездить может.

Эта мысль, простая и конкретная, будто луч света в его тумане. Не абстрактная «реабилитация», а конкретная «насадка на ручку газа».

— Не знал, что ты и так делаешь, — сказал Лев.

— А чё? Если система кривая, но в целом годная — надо адаптировать управление, а не систему менять. Это ж ло-

гично.

Они допили чай. Тишина между ними теперь была не мёртвой, а просто спокойной. Комфортной. Макс вдруг спросил:

— А на улицу вылезаете когда? Солнце хоть видишь?

— Редко. Сложно.

— Сложно, — передразнил его Макс. — У меня сегодня тест-драйв одного аппарата. На трассу выеду, покрутить. Поехали со мной.

— Макс, я не могу...

— Ты можешь сидеть на пассажирском месте и молчать. Воздух другой подышишь. Смена декораций. А то ты тут в своих битах и байтах заплесневеешь. Решение не обсуждается. Одевайся.

И, видя сопротивление в глазах Льва, он добавил то, против чего не было аргументов:

— Мне нужна объективная оценка вибрации на скорости. Ты же с сенсорами проблем не имеешь? Онемение там, чувствительность... Вот и прочувствуешь. Польза делу.

Это был гениальный ход. Он не предлагал «развеесться» или «подлечиться». Он предлагал работу. Полезную функцию. Льву нужно было оценить вибрацию.

Через десять минут Лев, закутанный в чужой, пахнущий бензином и ветром кор jacket Макса, сидел в уютном кресле пикапа. Не на мотоцикле, конечно — Макс не был безумцем. Двигатель заурчал, они тронулись.

Когда они выехали за город, на трассу, и Макс плавно добавил газу, Лев закрыл глаза. Сквозь стекло било солнце. Через тонкую дымку в глазу оно казалось размытым, мягким шаром. Вибрация мотора отдавалась в его онемевшей руке, лёгкая, ритмичная. Это было не больно. Это было... ощутимо. Как будто кто-то посылал устойчивый, чёткий сигнал: «Мы движемся. Мы живём. Прямо сейчас».

Он не сказал ни слова за всю поездку. Но когда они вернулись и Макс спросил: «Ну что, как вибрация? Не резонирует?», Лев честно ответил:

— На сотне есть лёгкая *dissonance* в районе педального узла. Частота неприятная. Тебе надо проверить крепление.

Макс свистнул:

— Чёртов сенсор. Спасибо. На следующей неделе заскачу, проверю. Или ты сам ко мне в сервис сползаешь? Показал бы тебе одну кочерыжку, которую я в коня превращаю.

Лев кивнул у входа в свой дом.

— Сползу. Посмотрю.

— Договорились. И Лёва? — Макс уже садился в кабину, но обернулся. — Если проводка опять накроется — не геройствуй. Свисти. Я с инструментом. Даже если это не молотком лечится.

Он уехал, оставив после себя не тишину, а лёгкий гул в ушах и запах свободы. Лев поднялся в квартиру. Она не казалась такой уж камерой-одиночкой. Она была его мастерской. Сбойной, сложной, но мастерской.

Он сел за компьютер. Не включал его. Просто смотрел на тёмный экран, в котором смутно отражалось его лицо. Сегодня он не собирал данные о симптомах. Сегодня он получил нечто большее — живой, аналоговый интерфейс для взаимодействия с миром. Друга, который не видел в нём пациента, а видел союзника по ремонту сломанных систем. Пусть даже одна система была мотоциклом, а другая — человеком.

Принцип, как оказалось, был один: диагностировать, адаптировать, искать костыли. И не бояться шума.

Глава 4: Протокол "Магазин"

Воскресенье, 14:00.

Воскресенье было днём тихой капитуляции перед бытом. Холодильник зиял пустотой, а приложение доставки, обычно его спаситель, сегодня вызывало тошнотворное раздражение. Бесконечный скроллинг, выбор, промокоды... Слишком много решений. Слишком много визуального шума. Его «визуальный модуль» после вчерашней поездки работал стабильно, но когнитивный ресурс был на нуле.

«Нужно выйти», — подумал Лев, и мысль эта прозвучала как приговор.

Поход в магазин — это не бытовая задача. Это сложный, многоуровневый протокол. Stress-тест для всех систем сразу.

14:15. Подготовка к запуску.

Лев сел на табуретку в прихожей и начал процедуру, как пилот перед вылетом.

Шаг 1: Оценка ресурсов. Усталость: 6/10. Это терпимо. Головокружение: лёгкое, фоновое. Стабильно. Координация: удовлетворительно. Планируется использование тележки-опоры.

Шаг 2: Составление миссии. Чёткий список. Молоко, хлеб, сыр, яйца, печенье. Ничего лишнего. Лишнее — это лишние решения, лишний вес, лишние риски. Список был написан на бумажке крупными печатными буквами. Смартфон мог разрядиться, а бумага — нет.

Шаг 3: Подбор экипировки. Удобные кроссовки на плоской подошве (улучшение стабильности). Куртка без сложных замков (экономия мелкой моторики). Рюкзак вместо пакетов (распределение нагрузки, освобождение рук для баланса). И, главное — складная трость. Он ненавидел её. Она кричала миру о его неполноценности. Но сегодня он чувствовал под собой зыбкую почву, и трость была не аксессуаром, а страховочным тросом.

Шаг 4: Маршрут. Самый короткий путь. Минимум светофоров, максимум ровного асфальта. Избегать узких тротуаров с припаркованными машинами.

Он встал, опираясь на трость, и сделал несколько шагов по квартире. «Тестовая прогулка». Всё в норме. Можно запускать протокол.

14:30. Выход в открытый космос.

Улица обрушилась на него шквалом данных. Яркий свет (солнце сегодня нещадное), шум машин, крики детей с площадки, порывистый ветер, дергающий куртку. Его сенсоры перегружались. Он замер на крыльце, давая системе адаптироваться. Сделал несколько глубоких вдохов, как Макс учил его «продувать систему» перед сложной работой.

Первый участок пути — 300 метров до перекрёстка. Он шёл, сосредоточенно глядя перед собой на три шага. Трость отстукивала чёткий, медленный ритм. Его мир сузился до этого ритма и до трещин на асфальте, которых нужно было избегать. Он чувствовал на себе взгляды. Быстрый, безразличный взгляд прохожего, задержавшийся на трости. Стыд, горячий и кислый, подкатил к горлу. Он подавил его. «Они видят костыль. Они не видят бага», — прошипел он про себя, повторяя мантру.

На светофоре пришлось ждать. Стоять на месте оказалось сложнее, чем идти. Мышцы ног начали ныть, появилась лёгкая дрожь. Он переминался с ноги на ногу, перенося вес на трость. Зелёный сигнал прозвучал для него как щелчок стартового пистолета.

14:45. Вражеская территория.

Автоматические двери гипермаркета с шипением разошлись, выпустив на него волху холода и громкой, ритмичной музыки. Это был ад. Чистый, стерильный, освещённый лю-

минесцентными лампами ад.

Пол блестел, отражая свет, создавая муаровые разводы, которые резали глаза. Голоса, гудки касс, рёв холодильников — всё смешалось в единый, оглушительный белый шум. Запахи: хлеб, химия, рыба, парфюм от стойки — атаковали обоняние.

Лев опёрся на тележку. Она стала его островком стабильности в этом море хаоса. Он развернул список. «Молоко». Молочный отдел был в самом дальнем углу. Это был маршбросок.

Он двинулся вдоль бесконечных рядов, стараясь смотреть прямо перед собой, не отвлекаясь на яркие упаковки. Но его мозг, уже перегруженный, начал давать сбои. Буквы на ценниках плыли. Цифры не складывались в понятные суммы. Он взял знакомый пакет молока, сверяясь с изображением на списке, как турист со словарём.

15:00. Инцидент в ряду №7.

С хлебом и сыром справился. Оставались яйца. Он подкатил тележку к стеллажу. И тут его нога, левая, решила выдать классический симптом РС — «прилипание». Стопа будто приклеилась к глянцевому полу. Мозг посылал сигнал «поднять», но ступня не слушалась. Он потянул сильнее, сделав неловкое, дёрганое движение.

Тележка, на которую он опирался, рванула вперёд. Он потерял равновесие и грузно, боком, ударился плечом о стел-

лаж с соусами. Бутылки загремели, но, к счастью, не упали. Громкий звук. Несколько человек обернулись.

Жар стыда охватил его с головы до ног. Он стоял, прижимаясь к полке, пытаясь перевести дух, сделать вид, что так и надо. Нога наконец «отлипла». Сердце колотилось где-то в горле. В глазах потемнело от вспышки паники.

— Мужчина, вам помочь? — подошла пожилая женщина с тележкой, её лицо выражало искреннюю озабоченность.

— Нет, — выдавил Лев, отводя взгляд. — Спасибо. Споткнулся.

Он ненавидел эту ложь. Но правда — «у меня заболевание нервной системы» — требовала бы ещё больше энергии, объяснений, этой жалости в глазах, которую он не мог вынести.

Он схватил первую попавшуюся упаковку яиц, бросил её в тележку и, почти не глядя, двинулся к кассам. Миссия была провалена. Он не взял печенье. Он хотел только одного — сбежать.

15:20. Оплата и отступление.

Очередь на кассе казалась пыткой. Нужно было держаться вертикально, не двигаться, не ронять вещи. Его рука, держащая бумажку со списком, дрожала. Когда подошла его очередь, он с трудом выгрузил продукты на ленту. Кассирша,

уставшая и безразличная, просканировала товары.

— Пакет нужен?

— Нет, — прохрипел Лев, суя карту в терминал. Пинкод. Цифры. Его пальцы не слушались, он ошибся два раза. Терминал пищал отказом. На него уже смотрели сзади. Очередь вздыхала. Кассирша смотдела на него с немим вопросом. Третий раз. Прошло. Чек.

Он сгрёб покупки в рюкзак, не глядя, почти бегом (его жалкая версия бега — быстрая, неуклюжая шаркающая походка) покинул магазин.

15:40. Декомпрессия.

На улице было ненамного лучше. Солнце било в глаза, а в рюкзаке, за спиной, яйца превратились в дремлющую бомбу. Каждый шаг отдавался в ноющей спине. Обратный путь был чистой волей. Он не думал, он просто ставил одну ногу перед другой, механически, как робот на последних батарейках.

Дома, захлопнув дверь, он прислонился к ней спиной и медленно сполз на пол. Рюкзак с глухим стуком упал рядом. Дрожь, которую он сдерживал все последние сорок минут, вырвалась наружу. Его трясло. От усталости, от унижения, от перегрузки.

Он сидел так минут десять, пока дрожь не утихла. Потом осторожно развязал рюкзак. Яйца, чудом, были целы. Он вы-

ложил их, молоко, сыр. Осмотрел свой «трофей». Миссия выполнена. С боем, с потерями (печенье), но выполнена.

Он дополз до дивана и упал на него. В голове стоял звон. Протокол «Магазин» был выполнен, но ценой колоссальных затрат. Теперь он был полностью, тотально истощён. Физически, ментально, эмоционально.

Но лежа там, в тишине своей квартиры, где единственным звуком был его собственный прерывистый вздох, он понял одну вещь. Он *сделал* это. Он вышел в мир, который для него был враждебной, перегруженной средой. Он споткнулся, но не упал. Он пережил панику, но не отменил задачу.

Он достал телефон, открыл лог. Пальцы дрожали, но он набрал:

Событие: Выполнение протокола "Супермаркет".

Результат: Успех (с ошибками).

Извлеченные данные: 1) Яркий свет и глянцевые полы - критичные помехи. 2) Необходимость длительной статичной позы (очередь) истощает быстрее движения. 3) Тележка - необходимый buffer против потери баланса. 4) Социальное взаимодействие при отказе системы требует чрезмерных ресурсов. Ложь эффективнее.

Рекомендация: Для будущих выполнений - солнцезащитные очки, наушники с шумоподавлением, выбор менее людного времени.

Он сохранил запись. Это был не просто отчёт о походе за продуктами. Это была карта минных полей. И он её составил.

Перед тем как его накрыла волна спасительного сна, он услышал в памяти голос Макса: «Если система кривая, но в целом годная — надо адаптировать управление».

«Ага, — подумал Лев, уже проваливаясь в темноту. — Адаптирую. Следующий протокол будет лучше оптимизирован».

Он проиграл битву за комфорт. Но выиграл войну за автономность. На сегодня этого было достаточно.

Глава 5: Строгий режим и инкрементальные обновления

Понедельник, 08:00.

Будильник прозвучал не как призыв, а как сигнал тревоги. Сегодняшний день был отмечен в календаре жирным, красным маркером: «Невролог. Направление на МСЭ».

Медико-социальная экспертиза. Три слова, которые звучали как приговор и как надежда одновременно. Приговор — потому что это официальное признание: твоё тело более не является надёжным инструментом. Надежда — потому что за этими словами стояла возможность получить хоть какие-то цифровые «костыли» от государства: льготы, возможно, пенсию, которая снизит давление необходимости работать на износ.

Лев провёл утреннюю диагностику в состоянии повышенной тревоги. Система отвечала вяло: туман (уровень 7), оне-

мение в руках (прогресс, теперь до запястий), общая слабость как фоновая музыка. Идеальный день для того, чтобы доказывать кому-то, что ты недееспособен.

09:30. Подготовка данных.

Он не просто собрался. Он подготовил отчёт. Распечатал на принтере:

Лог симптомов за последние три месяца (графики, таблицы, описание инцидентов — с «белым шумом» в глазу до «прилипания» ноги в магазине).

Сводка от лечащего невролога с историей болезни.

Список принимаемых препаратов.

Свои наблюдения о влиянии на трудоспособность:
«Снижение когнитивной продуктивности на 60-70% в дни обострений. Необходимость частых перерывов. Невозможность длительной концентрации. Физические ограничения (ходьба, мелкая моторика)».

Это была не медицинская карта. Это была презентация. Доказательная база. Он клал её в папку, чувствуя себя не пациентом, а архитектором, пытающимся убедить инвесторов в том, что его проект (его же тело) требует срочного дополнительного финансирования или перевода в maintenance mode.

10:15. Инцидент на линии передачи.

Нужно было доехать до поликлиники. Общественный транспорт в час-пик был равносителен самоубийству. Он вызвал такси. Поездка стала пыткой. Каждый толчок, каждый

поворот отдавался в его напряжённом теле. Водитель лихо подрезал кого-то, резко затормозил. Льва дёрнуло вперед, и вдруг по всему телу, от шеи до копчика, пробежала резкая, как удар током, боль. Симптом Лермитта. «Разрядка» по повреждённому спинному мозгу при наклоне головы. Он вжался в сиденье, стиснув зубы, пока волна боли не отступила, оставив после себя ощущение, будто всё его нутро перетряхнули.

«Отлично, — подумал он, глотая воздух. — Дополнительный аргумент в копилку. Обострение по дороге на освидетельствование. Ирония».

11:00. Очередь как форма дзена.

Поликлиника встретила его стеной запаха дезинфекции, теплого тела и безнадёги. Он взял талон, сел в очередь в коридоре. Здесь время текло иначе. Оно было тягучим, наполненным тихими стонами, кашлем, шуршанием пакетов. Он отгородился наушниками, включив генератор белого шума. Его задача была — сохранить энергию. Не думать. Не волноваться. Просто быть. Ждать, как ждёт фоновый процесс выделения процессорного времени.

Рядом сидели пожилые люди. Их недуги были написаны на лицах, в походке. Его недуг был невидим. Он выглядел просто как уставший молодой человек. Он ловил на себе взгляды: «Чего он тут делает, здоровый лоб?» Это был обратный стыд. Стыд за то, что твоя болезнь недостаточно очевидна, чтобы вызывать сочувствие, но достаточно сильна, чтобы

украсть жизнь.

11:45. Интерфейс «Доктор».

— Брежнев! Кабинет 314!

Он вошёл. Кабинет был стандартным: стол, компьютер, плакат со схемой нервной системы. За столом — женщина лет пятидесяти, невролог Анна Викторовна. Её взгляд был профессионально-отстранённым, уставшим.

— Ну, Лев Игоревич, как дела? Жалуетесь?

Он не стал «жаловаться». Он открыл папку и положил перед ней.

— Анна Викторовна, я подготовил данные за последний период. Наблюдается прогрессирование. Когнитивные нарушения стали значимее, присоединились новые двигательные симптомы. Моя трудоспособность как программиста существенно снижена. Я прошу рассмотреть вопрос о направлении на МСЭ.

Она взяла папку, начала листать. Брови поползли вверх.

— Это что за графики? Вы сами это вели?

— Да. Для наглядности. Чтобы видеть динамику.

— Хм... — она пробежала глазами по описанию инцидента в магазине. — «Протокол „Магазин“»... Необычно.

Она отложила папку, провела стандартный неврологический осмотр: «Пройдитесь на пятках, на носках...», «Попробуйте попасть указательным пальцем в кончик носа с закрытыми глазами...», «Сопровитвляйтесь, когда я отвожу вашу руку...».

Его тело, сегодня особенно предательское, выполняло команды с заметными ошибками. Походка была шаркающей, палец промахивался на сантиметр, сила в руках — ослаблена. Он был похож на плохо сконфигурированного робота. Анна Викторовна делала пометки в карте, её лицо стало серьёзнее.

— Ну что ж, — вздохнула она, откидываясь на спинку кресла. — Динамика, действительно, отрицательная. Ремитирующее течение с элементами прогрессирования. Вы правы, одного больничного уже недостаточно. Нужно оформлять группу.

Эти слова — «оформлять группу» — прозвучали как стук судьбоносного молотка.

— Я выпишу вам направление на МСЭ по форме 088/у. Но имейте в виду, — её взгляд стал прямым, почти жёстким, — комиссия смотрит не только на диагноз. Они смотрят на

то, как болезнь ограничивает вашу *жизнедеятельность*. Вашу способность к самообслуживанию, передвижению, ориентации, общению, контролю за своим поведением, обучению и... трудовой деятельности.

Она сделала ударение на последнем слове, глядя на него поверх очков.

— Вы, как я понимаю, продолжаете работать? Удалённо?

— Да. Но с огромным трудом. Фактически, на минимальной мощности.

— Это хорошо и плохо одновременно. Хорошо, что вы социально адаптированы. Плохо, что они могут сказать: «Работает? Значит, трудоспособен. Инвалидность не положена». Вам нужно будет очень чётко, на примерах, объяснить, *как именно* вы работаете. Сколько часов в день реально способны концентрироваться. Какие вспомогательные средства используете. Понимаете?

Лев кивнул. Он понял. Нужно было перевести свой субъективный опыт в бюрократические термины. Не «мне тяжело думать», а «в связи со снижением когнитивных функций продолжительность эффективной трудовой деятельности не превышает 2-3 часов в сутки с обязательными перерывами».

— И ещё, — добавила Анна Викторовна, выписывая на-

правление. — Соберите все возможные доказательства. Не только мои выписки. Если есть результаты МРТ за разные годы — показывайте динамику очагов. Если лежали в стационаре — выписки. Чем толще будет дело, тем меньше вопросов.

Она протянула ему направление и его папку.

— Ваш системный подход, — она кивнула на графики, — впечатляет. Применяйте его и там. Не надейтесь на жалость. Опирайтесь на факты. Удачи.

13:30. Пост-релиз анализ.

Лев вышел из поликлиники. Листок 088/у был в папке. Он был не решением, а лишь допуском к экзамену. Билетом в следующий круг бюрократического ада — самую МСЭ.

Он не поехал домой. Он пошёл в маленький сквер рядом. Сегодня ему нужно было не цифровое уединение, а просто воздух. Он сел на лавочку, положил папку рядом и закрыл глаза. Солнце пригревало лицо. Усталость была тотальной, но в ней была странная пустота — энергия страха и собранности была потрачена.

Он думал о словах врача: «Они смотрят на то, как болезнь ограничивает вашу жизнедеятельность». Весь его последний год и был одним сплошным ограничением. Каждый день — это обходное решение, костыль, патч. Его жизнь превратилась в legacy-код, который нельзя переписать с нуля, а можно лишь латать, пытаясь поддерживать работоспособность.

И теперь ему предстояло пройти ещё одну проверку — не от компьютера, не от собственного тела, а от системы, которая оценит степень поломки этого тела по своим, зачастую бесчеловечным, критериям.

Он достал телефон, нашёл в контактах Макса. Набрал сообщение:

«Направление на комиссию выбил. Теперь буду собирать портфолио своей негодности. Чувствую себя как старый мотоцикл, которого отправляют на оценку перед утилизацией.»

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Не утилизацию, а на капремонт по госпрограмме. Только докажи, что рама цела, а движок стоит того. Документы — это как техпаспорт. Собрать надо всё. Нужна помощь с «техосмотром» перед комиссией — давай, привезу пиццы и помогу разложить по полочкам.»

Лев усмехнулся. Макс снова всё переводил на свой язык. И этот язык был честнее. Не «медико-социальная экспертиза», а «техосмотр». Не «инвалидность», а «капремонт по госпрограмме».

Он написал: «Привези. В четверг. С документами разберёмся. И с пиццей.»

Положив телефон, он взглянул на папку. Она была тяжёлой. В ней лежала не просто бумажка. В ней лежала история его падения, его борьбы, его неудач. Теперь ему предстояло

превратить эту историю в убедительный аргумент.

Он встал с лавочки, почувствовав привычную тяжесть в ногах. Но теперь у этой тяжести была цель. Новая, странная, унижительная, но цель. Собрать доказательства. Пройти комиссию. Получить свой «статус». Чтобы потом, получив его, иметь чуть больше ресурсов на то, чтобы продолжать латать этот legacy-код под названием жизнь.

Путь домой он проделал медленно, но уже не как беглец из магазина, а как человек, возвращающийся с поля боя. Бой был выигран. Тактически. Стратегическая битва — ещё впереди.

Глава 6: Legacy System Evaluation

Четверг, 08:15.

Папка с документами лежала на столе, раздувшись до угрожающих размеров. За два дня Лев и Макс (тот действительно привёз пиццу и деловитый, инженерный прагматизм) превратили её в увесистый том. Это было не просто собрание справок. Это был дамп всей системы за последние три года.

Раздел «Железо»: Снимки МРТ головного и спинного мозга за разные даты, где белые пятна-очаги, как плесень, расплзались по чёрно-белым срезам. Распечатанные снимки с красными стрелками, которые нарисовал Макс: «Смотри, тут в прошлом году чисто, а тут уже бляшка. Наглядно, да?»

Раздел «Логи»: Распечатанные графики симптомов, таблицы с оценками усталости, когнитивных функций. Макс настоял на добавлении столбца «Эффективность работы (оценочно)». Он снижался с 70% до 15-20% в дни обострений.

Раздел «Баг-репорты»: Выписки из стационаров, заключения неврологов, описание инцидентов («приступ ретробульбарного неврита 12.03», «эпизод дисметрии и спастичности 18.03»).

Раздел «Костыли и воркэраунды»: Список препаратов. Скриншоты приложений-напоминалок, блокировщиков соцсетей (чтобы не отвлекаться в моменты редкой ясности). Фото трости. Краткое описание необходимости удалённой работы.

Макс назвал это «презентацией для инвесторов, которые должны дать денег на поддержку устаревшего, но критически важного оборудования». Лев чувствовал себя именно так — устаревшим оборудованием.

09:30. Очередь в коридоре власти.

Здание Бюро Медико-социальной экспертизы (БМСЭ) было другим. Не пахло больницей. Пахло властью, пылью и казённой бумагой. Тишина здесь была гнетущей, нарушаемой лишь шепотом и скрипом дверей.

Лев сидел в длинном коридоре на пластиковом стуле, прижав папку к груди. Рядом — пожилая женщина с трясущимися руками, мужчина на коляске, мать с ребёнком, у кото-

рого было пустое, отстранённое лицо. Он снова чувствовал себя самозванцем. Его трость казалась слишком новой, его одежда — слишком обычной. Его недуг был скрыт в спинном мозге и в облаке мыслей, а не налицо.

«Они должны видеть графики, — напоминал он себе. — Они должны читать логи. Это не театр. Это техническая оценка».

Но когда из кабинета вышел предыдущий «оцениваемый» — седой мужчина, сгорбленный, с пустым взглядом, — сердце Льва ёкнуло. Это был взгляд капитуляции. Взгляд системы, которая уже перешла в режим read-only.

10:15. Вход в смотровую.

— Брежнев Лев Игоревич! Кабинет 47!

Голос секретарши был безличным, как голос автоответчика. Лев встал, поправил папку и вошёл.

Комната была просторной, светлой и холодной. За длинным столом сидели трое: два мужчины и женщина. Никаких белых халатов. Обычная одежда, но выражение лиц — отстранённо-оценивающее. Это и была комиссия. «Судьи».

— Садитесь, — кивнула женщина посередине, вероятно, председатель. Она просматривала какую-то толстую папку — его же медицинскую карту из поликлиники.

Лев сел на стул напротив них. Дистанция в три метра ощущалась как пропасть.

— Итак, Брежнев Лев Игоревич, 31 год. Рассеянный склероз, ремиттирующее течение, — начала председатель, глядя на бумаги. — Обращаетесь для установления группы инвалидности. Расскажите, на что жалуетесь? Что вас беспокоит?

Он открыл свою папку. Руки дрожали. Он сделал глубокий вдох.

— Я не буду жаловаться. Я предоставлю данные. За последний год наблюдается прогрессирование заболевания по нескольким ключевым для жизнедеятельности параметрам.

Он вытащил первую диаграмму — график когнитивных функций.

— Я работаю программистом. Это требует высокой концентрации и абстрактного мышления. Моя продуктивность, из-за так называемого «когнитивного тумана», падает в периоды обострений до 15-20 процентов от нормы. Эффективное рабочее время редко превышает 2-3 часа в сутки, и то с перерывами.

Один из экспертов, мужчина с усталым лицом, перебил:

— Но вы же работаете? Удалённо? Значит, трудоспособность сохраняется.

— Сохраняется возможность *пытаться* работать, — чёт-

ко, как на митинге, парировал Лев. — Но не в прежнем объёме и не с прежним качеством. Я не могу выполнять срочные задачи, участвовать в длительных совещаниях, осваивать новые технологии с той же скоростью. Я стал legacy-специалистом в отрасли, где каждый год — новая революция. Мой работодатель делает скидку на моё состояние, но это не может длиться вечно.

Он выложил снимки МРТ.

— Вот динамика за три года. Новые очаги демиелинизации. Это не субъективные жалобы. Это объективные данные. Они напрямую влияют на проводимость нервных импульсов.

Председатель внимательно смотрела на снимки, потом на него.

— Передвижение? Самообслуживание?

Лев указал на трость, прислонённую к стулу.

— Без опоры — не более 300-400 метров. Появляется слабость, головокружение. Координация нарушена. Мелкая моторика — есть тремор, онемение в пальцах. — Он вытащил фото разбитой чашки, которое Макс с присущим ему цинизмом сделал в тот день. — Это не неаккуратность. Это симптом. Наливание воды, застегивание пуговиц — всё требует

повышенной концентрации и занимает в разы больше времени.

— А что с таблетками? Лечение получаете? — спросил второй эксперт.

— Получаю. ПИТРС (препараты, изменяющие течение рассеянного склероза). Но они лишь замедляют прогрессирование. Симптоматическое лечение — тоже. Усталость, главный мой симптом, не купируется ничем, кроме как длительным отдыхом.

В комнате повисла тишина. Эксперты переглядывались, делали пометки. Лев чувствовал, как его сердце колотится. Он говорил не эмоционально, а как робот-докладчик. И, возможно, это было правильно.

— Можете пройтись? — попросила председатель.

Он встал, оперся на трость, прошел от стула к двери и обратно. Делал это максимально медленно и чётко, не пытаясь скрыть лёгкое шарканье и неуверенность. Он был не пациентом, демонстрирующим страдания. Он был системой, демонстрирующей баги.

— Спасибо, садитесь.

Он сел, чувствуя, как внутренняя дрожь нарастает. Основная часть была позади.

10:40. Вопросы и протокол.

— Вы живёте один? — спросила женщина.

— Да.

— И справляетесь?

— Справляюсь, используя ряд технических и бытовых адаптаций. Доставка еды, покупка одежды онлайн, голосовые помощники. Но каждый выход «в поле», например, в государственное учреждение вроде этого, — это запланированная операция с высоким риском сбоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.